

Фан Чжи покраснел и покачал головой, а Сун Чэнцин, прильнув к его плечу, начал нежно посапывать, издавая милые воркующие звуки. Фан Чжи придержал его голову, не позволяя двигаться, и только тогда Сун Чэнцин поднял взгляд.

— Я попросил Ся Лянь приготовить еду. Ты голоден? — мягко спросил Фан Чжи.

Сун Чэнцин хотел еще немного понежиться в объятиях, но, подумав, что его возлюбленный, вероятно, тоже голоден, кивнул и встал, чтобы одеться. Фан Чжи остался лежать на кровати, подперев голову рукой, наблюдая, как тот надевает уже подогретую обувь и поочередно натягивает одежду.

Закончив, Сун Чэнцин обернулся и увидел, что Фан Чжи все еще лежит, полуприкрытый одеялом, и пристально смотрит на него. Мягкое и изысканное одеяло, сделанное лучшим мастером в городе, было специально заказано Сун Чэнцином.

— На что смотришь? Еще не встал, ждешь, чтобы я тебя обслужил? — с улыбкой спросил Сун Чэнцин, сидя на краю кровати и поправляя одеяло.

— М-м, жду, чтобы ты меня обслужил... — Фан Чжи, наполовину скрыв лицо под одеялом, выглянул своими мягкими глазами, в которых светилась легкая улыбка.

Сун Чэнцин приблизился, и их щеки нежно соприкоснулись. Он действительно помог Фан Чжи одеться, а затем, добавив специальную мягкую подушку на стул в соседней комнате, осторожно перенес его туда.

Когда Фан Чжи удобно устроился, Сун Чэнцин взял миску и палочки, чтобы подать еду. Сначала он налил две ложки легкой каши, затем добавил закуски, приготовленные по просьбе Тан Юэ, все в соответствии с предпочтениями Фан Чжи.

Утренний рынок за окном постепенно оживлялся, торговцы готовились к новому дню. Фан Чжи неспешно съел пару ложек каши и спокойно сказал:

— После завтрака тебе пора возвращаться.

Он поднял взгляд на Сун Чэнцина. Тот явно расстроился, положил палочки и уставился на него.

Фан Чжи внутренне усмехнулся, но внешне сохранял спокойствие, продолжая помешивать кашу:

— Ты сам говорил, что уже несколько дней здесь, а дома провел всего несколько часов. Если не вернешься, твоя старшая сестра расстроится...

Сун Чэнцин недовольно ответил:

— Молодой господин Су уже чуть ли не выбил дверь нашего дома. Я думаю, моя сестра совсем не волнуется, где я. Да и разве она не знает, где я?

Фан Чжи промолчал, и Сун Чэнцин, набравшись смелости, продолжил:

— Пойдем со мной... Хорошо? Прошло столько лет, моя сестра уже смягчилась...

Он украдкой взглянул на лицо Фан Чжи.

Фан Чжи положил ложку и посмотрел на него. Он прекрасно понимал, о чем тот думал, но как человек его происхождения мог войти в Дом Генерала? Если новость распространится, что скажут люди о семье Сун? После смерти старого генерала, разве их семейная честь не рассыплется?

Сун Чэнцин, увидев молчание Фан Чжи, решил, что тот расстроен, и, опустив голову, продолжил есть. Фан Чжи, погруженный в свои мысли, не заметил, что рядом затихло. Обернувшись, он увидел, что Сун Чэнцин дуется.

Вместо того чтобы разозлиться на его странное поведение, Фан Чжи нашел это забавным и не смог сдержать улыбки. Сун Чэнцин подумал: «Я стараюсь уговорить тебя вернуться, а ты не только не соглашаешься, но еще и смеешься надо мной?» Он с силой положил палочки и замолчал.

Фан Чжи стало еще интереснее, и его улыбка не сходила с лица. Они смотрели друг на друга, и в конце концов Фан Чжи смягчился. Мысль о том, как обычно грозный генерал Сун дуется из-за того, что его возлюбленный не хочет возвращаться домой, заставила его смеяться, но в то же время сердце его наполнилось нежностью.

Фан Чжи встал и подошел к Сун Чэнцину. Тот намеренно не смотрел на него, сидя с прямыми плечами и сжатыми кулаками, уставившись в окно на оживающий Великий канал. С этого места хорошо было видно, как лодочки на пристани отвязывают канаты и отталкиваются шестами.

Фан Чжи потянул за рукав Сун Чэнцина:

— Что случилось? Ты на меня злишься?

В его голосе слышалась сдерживаемая улыбка. Он хотел продолжить дразнить его, но неожиданно был схвачен и посажен на колени, что заставило его вскрикнуть.

Сун Чэнцин обнял его и легонько шлепнул по ягодицам, делая грозное лицо:

— Ты думаешь, я такой уж безобидный?!

Фан Чжи не смог сдержаться и, обняв его за шею, засмеялся. Смеясь, он поднял голову и встретился с любящим взглядом Сун Чэнцина, с упреком сказав:

— Ты причинил мне боль, еще и ударил, я не пойду с тобой...

Он надул губы.

Сун Чэнцин не стал разоблачать его, а начал массировать его бедра и тонкую талию, их лица соприкасались, и их близость была настолько интимной, что никто не мог бы вмешаться.

Фан Чжи, обнимая Сун Чэнцина, нежно прижался к его плечу, шепнув что-то, от чего тот засмеялся. Сун Чэнцин подполз к его уху, ласково поцеловал и шепнул что-то неприличное:

— Чем больше, тем лучше смогу тебя баловать...

После завтрака Сун Чэнцин больше не мог оставаться. Он пришел с целой свитой слуг, и если бы не ушел сейчас, люди бы сказали, что генерал Сун застрял в увеселительных заведениях и забыл о доме.

Уходя, он с тоской посмотрел на Фан Чжи, лежащего на кушетке, с выражением, полным невысказанных слов. Порог комнаты Фан Чжи уже истерся от его частых визитов, и когда он снова спросил:

— Ты точно не пойдешь со мной? — Фан Чжи, раздраженный, с решимостью бросить все, схватил Сун Чэнцина за шею и сердито ударил его по плечу, не говоря ни слова.

Сун Чэнцин взглянул на него, и радость засияла на его лице. Он взял плащ и укутал Фан Чжи, затем одной рукой подхватил его под колени, другой обнял за спину и с радостью понес его вниз. К счастью, девушки в доме еще отдыхали, и они никого не встретили, кроме свиты Сун Чэнцина.

У входа они столкнулись с одним знатным господином, который, увидев Сун Чэнцина, поспешил поклониться, но тот отмахнулся, не обращая внимания, и поспешил домой.

Только оказавшись в карете, Фан Чжи понял, что Сун Чэнцин все это время притворялся! Очевидно, он заранее все спланировал: в карете был новый мягкий матрас, который идеально укрывал все сиденье, словно намекая на намерения хозяина.

Едва устроившись, Фан Чжи вскочил и сел на колени Сун Чэнцина, делая вид, что злится, и, играя, ущипнул его за щеки:

— Ах ты, Сун Чэнцин! Ты все заранее спланировал, да?! Притворялся расстроенным и дулся! Ты только и знаешь, как меня обманывать!

Он начал ругаться, но вскоре его голос дрогнул, и он надулся.

Сун Чэнцин обнял его, говоря слова утешения:

— Не сердись, дорогой... Это я виноват... Ударь меня, чтобы успокоиться, только не расстраивайся...

Он даже взял его руку и приложил к своему лицу, делая вид, что хочет, чтобы тот его ударил.

Фан Чжи не смог ударить, сам уже смягчившись, и, сидя на коленях Сун Чэнцина, обнял его за шею, чтобы поцеловать, надув губы и делая вид, что его не успокоить.

Сун Чэнцин поспешил поцеловать его, их языки переплелись, издавая влажные звуки. Он ласкал его губы и язык, а одной рукой начал забираться под его одежду, нащупывая сосок через тонкую ткань рубашки. Его пальцы играли с ним, заставляя Фан Чжи сладко стонать.

За окном была поздняя зима, весна уже приближалась, но холод все еще давал о себе знать. Сегодняшний день был хмурый, словно сама природа была не в духе, и нашему генералу Сун предстояло это выдержать.

Карета Дома Генерала медленно двигалась по улице, кучер осторожно держал вожжи, стараясь не потревожить пассажиров. Иногда изнутри доносились стоны, заставляя его краснеть и хотеть заткнуть уши.

Эта история — о взаимной нежности и ласке, взаимной любви и заботе, и вкус этой любви чертовски сладок!

Если бы завтра не нужно было работать, я был бы очень счастлив. Очевидно, счастье не

предначертано тупому автору. В рабочие дни количество обновлений гарантировать нельзя, не ждите, скорее всего, будет одна глава, я плачу. Вспомнил, что на соседней платформе есть еще две незавершенные истории, эти два дня был занят веселыми вещами, я плачу еще громче.

<http://bllate.org/book/16757/1540564>